

Е. К. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ

**<«Он не домогался власти,
она сама пришла к нему»>**

Есть еще один важный и интересный тип революционных работников, но, к несчастью, он очень редко встречался в наших рядах. Я имею в виду людей, которые вступали в нашу партию не в юности и даже не в первые годы возмужания, а лишь после того, как набрались определенных знаний о мире и испытали свои способности и склонности в других, легальных сферах деятельности. Партии социалистов-революционеров повезло получить нескольких таких опытных работников, которые оказались людьми выдающихся качеств и стойкости. Самым видным и достойным среди них, несомненно, является Александр Федорович Керенский. Революционное движение дало этому одаренному человеку особенно благоприятную возможность воспользоваться силой ума и развить в себе привычку к независимой и ответственной работе. <...>

Речи Керенского доходили до нас в выхолощенном виде, и лишь в 1918 г., прочитав в Москве их оригиналы, я поняла, что он остался на свободе только чудом. Он описывал весь тот позор, которому подвергал Россию царский режим, и столь же недвусмысленно указывал на неизбежность революции. Он выступал в защиту политических ссыльных и подавал в Думе протесты по поводу притеснений, которым они подвергались. Такое отношение Керенского к «политическим» очень четко проявилось с первых дней революции и в течение всего его пребывания в составе Временного правительства. В самые первые дни Февральской революции он как министр юстиции разослал по всей Сибири телеграммы, приказывая освободить политических заключенных. Властям вменялось в обязанность обеспечить их средствами на дорогу домой и оказывать им всяческое содействие. <...>

Когда произошла революция, Керенский впервые наладил контакты с социалистами всевозможных родов и оттенков. Своих долгожданных гостей, которые спешили домой со всех концов света, он приветствовал от всей души и с полным признанием их заслуг. То, как он их встретил, и готовность, с которой он предлагал им наилучшие условия для будущей работы, ясно продемонстрировали преданность этого человека, которого сила событий подняла на самые вершины власти.

К несчастью, конституционные демократы и социалисты не разделяли его благородных взглядов. Они отказались воспользоваться предоставленной им возможностью, чтобы совместно провести неотложные реформы. Вместо того чтобы направить все усилия на построение нового порядка, вместо того чтобы вдохнуть энергию и дух в слабое, гибнущее государство, обе эти партии возмущались беспристрастностью Керенского, принимая ее за бесхарактерность. Ссоры двух этих фракций мешали решению стоявших перед страной проблем, грозивших катастрофой. Керенский, готовый отдать жизнь за свой народ, был в отчаянии. Россия нетерпеливо ждала конкретного воплощения своих надежд. Он несколько раз пытался уйти в отставку, надеясь, что этот шаг утихомирит противников. Но те, кто обвинял его то в диктаторских замашках, то в безволии, не имели желания взваливать на себя ответственность и отказывались принять его отставку. Керенский не уходил со своего поста, пока не появилось никого, готового занять его место.

Его коллеги не могли прийти ни к каким решениям и не соглашались на компромиссы. Позитивная работа Временного правительства практически ограничивалась лишь первыми двумя месяцами его существования. В этот период были изданы все декреты, гарантирующие новые свободы, и было официально объявлено, что земля отойдет к тем, кто ее обрабатывает. За этим мирным конструктивным периодом последовал период непрерывных перестановок в руководстве. Одних людей постоянные заботы доводили до изнеможения, другие были слишком малодушны, чтобы принять на себя такую ответственность. Они нередко покидали свои должности под огнем критики со стороны оппозиции, оставляя Керенского в одиночку справляться с безнадежной ситуацией.

Десятилетие, прошедшее между революциями 1905-го и 1917 гг., не было благоприятным для развития и обучения революционных работников. На этом фоне великая фигура Керенского выделялась

особенно ярко. То, что он оказался один на поле боя, лишь прибавляло ему энергии, а его ораторское искусство по-прежнему привлекало всеобщее внимание. Неудивительно, что в марте 1917 г. за ним пошли и армия, и рабочие. Он не домогался власти, она сама пришла к нему. Он настойчиво отказывался от роли диктатора. Нашелся бы хоть один человек, способный вынести столько же откровенной клеветы, как Керенский? Не было такой низости, на которую не пошли завистники и амбициозные люди, пытаясь погубить его репутацию. Он испил свою чашу страданий до дна, но не произнес ни одного слова жалобы. Он не мог ответить подлостью на подлость. Высокие стандарты самоуважения никогда не позволяли ему оскорблять других. Если его действия не всегда были последовательными и четкими, то виной тому были общие недостатки всей русской интеллигенции. Она не понимала отношения масс к достигнутой победе. В значительной степени Керенский принимал собственную лояльность за коллективный разум и совесть. Будучи ярко выраженным идеалистом, он не мог понять предательства так называемых коммунистов, с одной стороны, и наивного доверия их сторонников, с другой стороны.

Как бы упростилась его задача, если бы он последовал примеру вождей французской революции и обратился к политике массовых репрессий! Однако история навсегда запомнит, что Временное правительство вело колоссальное Российское государство сквозь бури переходного периода от старого к новому режиму неизведанными доселе методами, обходясь без малейшего кровопролития. Невозможно сказать, сколько времени продержался бы такой мягкий и миролюбивый строй, так как в массах развивалось нетерпение, недоверие и стремление к мести. Но мы знаем, что в течение этого периода воля одного человека сдерживала насилие, несмотря на неистовые призывы к жестокости, раздававшиеся даже среди интеллигентных людей.

Керенскому не за что себя винить. Он не добивался власти. За его спиной не стояли полчища преторианцев. Он ни разу не сделал ничего против своей совести. А сейчас, принося в жертву человеческие жизни, одурманенная страна пытается вернуть себе политические свободы, мирно предоставленные ей Временным правительством. Вопрос раздела земли по-прежнему остается актуальным, хотя Временное правительство выработало основные принципы его разрешения. Решить проблему автономии национальных образований также невозможно без возрождения того плана, который был принят Временным правительством.

Я могу говорить о Керенском с такой уверенностью благодаря близкому знакомству с ним в решающие моменты его жизни. Со времени моего возвращения в Петроград из Сибири в начале апреля 1917 г.¹ вплоть до сегодняшнего дня, в течение всех этих лет отчаянных испытаний, я поддерживала с ним тесные отношения. Побывав на вершинах власти, он пережил полное поражение, блестящие успехи сменились катастрофическим провалом, после доверия и преданности он познал ненависть и клевету. В течение самой бурной и сложной эпохи, через которую когда-либо проходила наша страна, когда каждое событие имело всемирное значение, он взвалил на себя колоссальную ответственность, потому что не мог покинуть свой пост.

Когда я вместе с ним поселилась в Зимнем дворце, мы вели простую и скромную жизнь. Не позволялось никакой роскоши, хотя наши аскетические обеды порой разнообразились подношениями, присылавшимися мне из провинции. Покидая Зимний дворец, Керенский был одет в тот же костюм, который был на нем, когда он встречал меня на вокзале в апреле. Он не принимал гостей, не устраивал званых обедов. Все часы, когда он не спал, были заполнены до предела. Он вставал в 8, а ложился в 4 или 5 часов утра.

По России он ездил с такой же простотой. В Ревеле он три часа стоял в своем автомобиле, пожимая руки столпившимся вокруг него морякам². Он считал, что у него нет права на усталость. Лишь один раз я услышала от него жалобу. Дело было за обедом, который пришлось отложить на три часа. Я приставала к нему с вопросами, а он сказал:

— Бабушка, я сегодня еще ничего не ел.

Он никогда никому не льстил и не ждал одолжений. Его отношение к официальным представителям иностранных наций отличалось неизменной корректностью и достоинством. Позволялись лишь официальные визиты. Никаких церемоний и банкетов не проводилось. Однажды я спросила его, разослал ли он приглашения послам союзных держав. Он ответил:

— Да, всем, кроме английского посла.

— Почему так? — спросила я изумленно.

— Потому что, — ответил он, — англичане ценят кровь наших солдат на вес золота, одолженного ими русскому правительству. Я никогда им этого не прощу.

Он обладал бескомпромиссным характером, и все же, когда на кону стояло спасение России, знал, как обуздать себя. Он ненавидел насилие и кровь, но лично вел армию в бой. Можно без колебаний

сказать, что беспристрастность и правдивость были выдающимися чертами этого уникального политика, который сегодня страдает не из-за личного одиночества, а потому, что осознает невозможность работы ради возрождения той свободы, которой реально обладала его страна и снова потеряла из-за собственного безрассудства.

И все же неизбежно настанет время, когда он снова получит возможность работать на благо российской свободы. Непреодолимый напор унаследованных традиций, надежд, веры и чаяний народа возьмет верх над тем деспотизмом, который завладел страной. Мой любимый русский народ очнется от своего революционного безумия, и мы рука об руку с ним продолжим строить общество, где царят свобода, честь и истинное братство.

